

КАРМЕН ЛУНА

АЛЬФА

Присвоенная
ВОЛКОМ

18+

Кармен Луна

Альфа. Присвоенная волком

<https://litres.ru/74430487>

SelfPub; 2026

Аннотация

Рафаэль

Я — Рафаэль Монтальво, альфа клана. Я привык получать всё, чего хочу. Её родители подписали договор, и теперь Аделаин должна стать моей женой. Она думает, что сможет сопротивляться. Я же слишком долго ждал, чтобы отступить.

Аделаин

Один договор — и моя жизнь стала платой за чужие долги. Рафаэль Монтальво требует покорности, но я не собираюсь становиться его марионеткой. Мне страшно. Ещё страшнее то, что за стенами его поместья скрывается правда, способная изменить всё, что я знаю о нём и о себе.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	16
Глава 4	22
Глава 5	29
Глава 6	34
Глава 7	39
Глава 8	47
Глава 9	56
Глава 10	64
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Кармен Луна

Альфа. Присвоенная

ВОЛКОМ

Альфа. Присвоенная волком

Кармен Луна

Аннотация

Рафаэль

Я — Рафаэль Монтальво, альфа клана. Я привык получать всё, чего хочу. Её родители подписали договор, и теперь Аделайн должна стать моей женой. Она думает, что сможет сопротивляться. Я же слишком долго ждал, чтобы отступить.

Аделайн

Один договор — и моя жизнь стала платой за чужие долги. Рафаэль Монтальво требует покорности, но я не собираюсь становиться его марионеткой. Мне страшно. Ещё страшнее то, что за стенами его поместья скрывается правда, способная изменить всё, что я знаю о нём и о себе.

Глава 1

Аделайн

Я сидела напротив адвоката в большом, темном кабинете, где каждый предмет словно давил на меня, заставляя чувствовать себя маленькой и беззащитной. Седой, невозмутимый мужчина сидел за массивным дубовым столом. Его лицо было бесстрастным, как холодный камень. Он излагал факты, от которых у меня пересохло в горле, как будто каждое слово вытягивало из меня воздух. Тишина комнаты, нарушаемая лишь ровным голосом адвоката, казалась мне громом, который разрушал мою жизнь.

— Ваша семья, мисс Кастильо, накопила значительные долги перед кланом Монтальво, — сказал он, поднимая взгляд с документов на меня. Его глаза были серыми, холодными, без единого проблеска сочувствия. — Эти суммы должны быть погашены в ближайшее время, иначе ваш род потеряет всё.

Сердце забилося быстрее. Слова адвоката звучали сухо, как приговор, вынесенный без права обжалования. Я пыталась сохранить спокойствие, но чувствовала, как руки дрожат, сжимаясь в кулаки на коленях. Я хотела спросить, что можно сделать, как можно всё исправить, но мои слова застряли в горле, словно меня душили.

— Мой отец... Он никогда не говорил мне о таких долгах,

— пробормотала я, с трудом находя силы говорить. — Как... Как это возможно?

Адвокат продолжал смотреть на меня так, словно я была всего лишь очередным делом, одним из множества, которыми он занимался. Его лицо оставалось невозмутимым, когда он отвечал:

— Ваш отец искал выход, — адвокат с сухим раздражением отложил бумаги. — Родители подписали соглашение с Монтальво: кредитор простит семейные долги, если вы согласитесь на брак с Рафаэлем. В противном случае он потребует взыскания заложенного имущества.

Я застыла, словно меня ударило током. Слова адвоката отозвались в сознании эхом, разрастаясь до грома, который гудел в ушах. Брак. Моя судьба решена. Судьба моей семьи решена кем-то другим, и я не знала об этом до этого момента. Мой мир рушился, снова и снова, каждый раз, когда я думала, что уже достигла дна. Но этот удар был ещё сильнее.

— Это невозможно, — прошептала я, голос дрожал, как растрескавшееся стекло. — Вы не можете требовать от меня выйти замуж за человека, которого я не знаю... Которого я даже не встречала!

Адвокат слегка приподнял брови, его лицо оставалось холодным и отстранённым.

— Это условие списания долга, сеньорита Кастильо, — спокойно произнёс он, и от его делового тона мне стало холодно. — Подписи ваших родителей не заменяют вашего со-

гласия на брак. Но Рафаэль не намерен прощать долг на иных условиях. Откажетесь — семья потеряет заложенное имущество.

Каждое слово звучало, как удар по душе. Я не могла поверить, что моя судьба была решена без моего участия, что моя собственная жизнь стала разменной монетой в какой-то мрачной сделке. Я чувствовала себя игрушкой в чужой игре, чьи хрупкие крылья обломали, прежде чем я успела взлететь. Голова закружилась, и я почувствовала, как слёзы подступают к глазам, но я сдержалась, не позволяя себе проявить слабость перед этим бездушным человеком.

— И что, если я откажусь? — спросила я, стараясь звучать твёрдо, хотя голос всё ещё дрожал. — Что, если я не соглашусь выйти замуж за этого... Монтальво?

Адвокат наклонился вперёд, его глаза сузились, и в них появилась тень усмешки, которая выглядела скорее как гримаса.

— Тогда Монтальво потребует взыскания долга, — ответил адвокат с холодным удовлетворением. — Дом, земля, семейное дело — всё, что находится в залоге, окажется под угрозой продажи. Решайте, что для вас важнее.

Он выдержал паузу, давая угрозе осесть. Речь шла не о законе, который разрешал продать дочь, а о власти человека, способного заставить меня выбирать между собой и последним, что осталось от родителей.

Я закрыла глаза, пытаюсь собрать все силы, чтобы не за-

кричать. Мой мир рухнул в тот день, когда умерли мои родители, но теперь я осознала, что падение было только началом. Меня загнали в угол, и я не знала, как выбраться. Гнев и отчаяние смешались в груди, заставляя сердце колотиться так, что казалось, оно вот-вот вырвется наружу. Мне хотелось разорвать все эти чёртовы бумаги, вырваться из этого кабинета и сбежать куда-нибудь подальше, но я знала, что это бесполезно.

Я открыла глаза и увидела, как адвокат спокойно собирает документы, словно дело уже закрыто. Его невозмутимость казалась мне издевательством.

— Я хочу видеть этот договор, — твёрдо произнесла я, пытаюсь взять под контроль хотя бы этот момент. — Я хочу прочитать всё, что там написано.

Адвокат пожал плечами и протянул мне папку. Его глаза искрились холодным удовлетворением, когда он сказал:

— Разумеется. Но я вас уверяю, сеньорита Кастильо, там нет ничего, что могло бы изменить вашу судьбу. Ваши родители всё предусмотрели. — Адвокат смотрел на меня с холодной уверенностью, и мне захотелось швырнуть папку ему в лицо.

Я взяла папку и, не удержавшись, ударила её об стол так, что бумаги высыпались наружу. Я подняла на адвоката взгляд, полный ярости и боли.

— Значит, они предусмотрели и то, что их дочь станет заложницей чужих долгов, да? — голос дрожал, но в нём уже

звучала угроза. — Они решили, что я обязана прожить свою жизнь по их правилам, даже если меня это уничтожит?

Адвокат развёл руками, будто соглашаясь с моими словами, но ничуть не сочувствуя.

— Это бизнес, сеньорита Кастильо. Ваша семья заключила договор. Теперь ваш долг — исполнить его. — Его равнодушные взбесило меня сильнее самой угрозы.

Эти слова отозвались в сердце эхом, как последний удар колокола, погружающий всё в тишину. Я поняла, что моя судьба больше не принадлежит мне, что моя жизнь продана и куплена, как товар, и никто не спрашивал моего мнения. И теперь мне оставалось только одно — встретиться с Рафаэлем Монтальво, чтобы понять, что это за человек, и почему он был готов купить мою судьбу.

Из конторы адвоката я вернулась к родительскому дому. У калитки руки снова сжались в кулаки, по коже пробежала дрожь. Каменные стены потемнели от сырости, окна были закрыты. За годы вдали от Монтекадо я привыкла думать об этом месте как об опоре. Теперь даже войти оказалось трудно: за дверью не было никого, кто встретил бы меня.

Дом был пуст, как душа, как бездонная пропасть, куда падали все мои надежды, разбиваясь на осколки. Он не встречал меня теплом, не предлагал защиты. Он стоял, словно огромный молчаливый свидетель чужой трагедии, в котором не осталось ничего, кроме эха былого величия. Каждое окно, застывшее в молчаливой тени, напоминало глаза, смотрящие

в пустоту, не замечающие меня. После смерти родителей я вернулась в Монтекадо. За последние дни уже несколько раз входила в опустевший дом, но всякий раз каждое воспоминание оживало в этих стенах, как призраки прошлого, медленно поднимающиеся из мрака, чтобы снова терзать меня.

Сделав глубокий вдох, я осторожно ступила на старый паркет, который тихо скрипнул под моими шагами, словно протестуя против моего возвращения. Этот звук, казалось, эхом отразился по всему дому, как шепот, предупреждающий меня об опасности. Сердце сжималось от боли и тревоги. Я ощущала, как воспоминания обрушиваются на меня — сцены из детства, где светлые улыбки моих родителей заполняли комнаты, когда дом был живым, когда в нём звучал смех, и светились окна.

Но теперь он был как пустая оболочка, лишённая жизни, и тьма внутри его казалась мне ещё более густой, чем туман, что окутывал город снаружи. Я поднялась по лестнице, осторожно касаясь холодных перил, словно надеялась найти опору, которая удержит меня от падения в бездну воспоминаний, но всё, что я ощущала — это ледяное прикосновение металла, от которого хотелось отпустить руку и убежать.

Глава 2

Аделайн

Когда я вошла в кабинет отца, ноги дрожали. Комната была почти такой же, как я её помнила, словно время застыло, ожидая моего возвращения. Тяжелый деревянный стол, кресло с потёртой обивкой, которое всё ещё держало форму его тела, словно он только что встал, оставив книгу недочитанной. Всё выглядело так, будто хозяин комнаты вышел на минуту и вот-вот вернется, поправляя манжеты рубашки и улыбаясь мне с доброй, но строгой улыбкой. Но этого не произошло. Отец не вернется. Никогда. И эта мысль ударила меня снова, как нож в сердце, оставив после себя пустоту.

Я коснулась костяшками пальцев полированной столешницы. Дерево отозвалось глухим стуком. Этот звук был пустым и отчужденным, таким же, каким был мой новый мир, лишённый всех, кого я любила. На столе, среди старых книг и чернильниц, лежала кипа юридических бумаг и договоров, аккуратно сложенных в стопку, словно ожидающих моего возвращения, чтобы вынести свой приговор. Я не сразу заметила их, но как только взгляд упал на верхний лист, сердце сжалось, словно на него опустилась ледяная рука.

Среди строк и печатей мелькало название, которое я не могла игнорировать — «Монтальво». Эти буквы, написанные чёрным на белом, казались мне тёмными знаменами,

пророчеством беды. Словно сама судьба пряталась между строчек, ожидая, когда я прочту их и узнаю о том, что моя жизнь не принадлежит мне. После разговора с адвокатом я уже знала, что означает долг. Теперь хотелось найти то, о чём он умолчал: откуда взялась эта сумма и когда родители согласились заплатить за меня дочерью. Мои родители оставили мне не только наследство, но и невидимую цепь, которая связала моё будущее с кем-то, кого я никогда не встречала.

Туман, окутывавший город, словно проник и сюда, наполнив комнату ощущением неизбежности. Я стояла, ощущая, как дыхание становится всё более тяжёлым. Я хотела кричать, но горло сжимало от подступающего кома, как будто даже слова были лишены смысла. Всё, что осталось — это документы, холодные, беспристрастные, словно молчаливые свидетели моей скорби. Но в этих документах была заключена моя судьба, и я понимала, что, как бы мне ни хотелось отвернуться, убежать, сжечь эти бумаги и забыть, это невозможно.

Мои родители связали мою жизнь с долгом, о котором я не знала, долгом, который теперь стал моим бременем. И всё, что оставалось — проследить по бумагам, как обычный заём превратился в условие брака. Я чувствовала, как страх и отчаяние пробираются в душу, но вместе с этим появлялась и решимость. Я не могла позволить себе сломаться. Не здесь. Не сейчас.

Я вспоминала тот день, когда мой мир разлетелся на

осколки, и даже эти осколки исчезли, не оставив ничего, кроме пустоты. Всё началось с телефонного звонка. Глухой, бесцветный голос, который пробивался сквозь треск и шум в линии, объявил мне о том, что мои родители погибли в автотрагедии. Эти слова врезались в сознание, как осколки стекла, раздирая меня изнутри, но не оставляя ни единого шанса почувствовать боль. Я помнила, как телефон выпал из рук, словно стал раскалённым металлом, и я стояла там, окаменевшая, с пустыми глазами, глядя в никуда. Вся моя жизнь рухнула в одно мгновение. Словно кто-то вырвал у меня землю из-под ног и я падала, падала в пустоту, без возможности зацепиться за что-то реальное.

Но это было не всё. Сразу после удара, который я не успела даже осознать, меня накрыла волна другой, не менее страшной трагедии — бумажной. Пачки документов, толстые папки с печатями и официальными штампами, юридические бумаги, завещание... Они все легли на меня, как тяжёлые оковы, сковывая движения, не давая дышать. Слова, прописанные чёрным по белому, были для меня неразличимы, как текст на чужом языке. Я не могла понять, что от меня хотят, не могла найти в себе силы понять. Они требовали моей подписи, моего согласия, моего участия в том, чего я не хотела принимать.

Я чувствовала, как эти бумаги, словно тёмные и липкие пауки, обвивают меня своими сетями, лишая права на скорбь. Они словно говорили: «Нет, ты не можешь позволить

себе грустить, ты не можешь позволить себе плакать. У тебя есть дела. Тебе нужно быть сильной.» И я стала. Я подписывала бумаги, слушала холодные голоса юристов, которые объясняли, как распределить имущество, как закрыть счета, как перевести счета на моё имя. Они говорили об активах и обязательствах, как будто всё это имело значение, когда у меня не осталось ни единой живой души.

Я открывала кабинеты в родном доме, стараясь вдохнуть воздух, который ещё хранил в себе запах сигар моего отца, пряных и горьковатых, и тонкий аромат дорогих духов матери, сладких и обволакивающих, как шёлк. Каждый раз, когда я открывала дверь, мне казалось, что они вот-вот войдут, как делали это раньше — отец с задумчивым видом, медленно затягиваясь сигарой, а мать, бросая на меня взгляд из-под длинных ресниц. Но этого никогда не происходило. Эти комнаты остались пустыми, холодными, словно души, которые когда-то наполняли их, ушли навсегда, забрав с собой тепло и жизнь.

Я вспоминала, как моя мать рассказывала мне о Монтекадо. В её рассказах город был живым, дышащим существом, полным таинственных мест, которые ждали тех, кто осмелится их найти. О тайных садах, спрятанных за мраморными статуями, окружённых живыми изгородями, настолько густыми, что сквозь них не могли пробраться даже лучи света. О сказочных ярмарках, где торговцы предлагали чудесные артефакты, шепча о древних проклятиях и сбывающихся-

ся желаниях. Эти легенды были полны очарования, но теперь, когда я вернулась, они казались пустыми, как старые слова, забытые со временем.

Город уже не защищал меня. Он был безмолвен, оставляя меня наедине с моей болью. Я чувствовала себя чужой в этом месте, где когда-то было моё детство, как будто город отверг меня, не признав, словно больше не хотел впускать меня в свои тайны. Пустота Монтекадо эхом отзывалась в душе, напоминая о том дне, когда я узнала о смерти родителей. О том мгновении, когда сердце словно остановилось, разлетевшись на тысячи осколков, и каждый из них причинял новую боль. Город, в который я вернулась, был мёртв, как мой мир, рухнувший вместе с их смертью.

Глава 3

Аделайн

На следующий вечер за мной прислали машину. Я согласилась встретиться с Монтальво и на несколько дней остаться в поместье: адвокат уверял, что только личный разговор позволит изменить условия. Ворота на холме открылись перед автомобилем. За ними возвышался старый готический дом с узкими башнями и потемневшими каменными стенами. Лес подступал к ограде так близко, что между стволами почти не было видно неба.

Я ощущала, как холодок пробирается под кожу, когда я вышла из машины и подняла взгляд на здание. Огромные чёрные ворота закрылись медленно и с гулким скрежетом, будто предупредили меня о том, что путь назад закрыт. Сердце билось так, что казалось, вот-вот вырвется из груди, но я заставила себя сделать шаг вперёд, потом ещё один. Каждый мой шаг отзывался эхом в каменном дворе, как звук гвоздей, вбиваемых в крышку гроба.

Когда я вошла внутрь, меня встретила тишина, гнетущая и густая, как густой, застоявшийся воздух. Просторный холл был освещён лишь тусклыми светильниками в форме свечей, которые отбрасывали дрожащие тени на стены. На мгновение мне показалось, что эти тени движутся, вытягиваются, как руки, стремящиеся схватить меня. Я чувствовала, как

страх охватывает всё сильнее, но заставила себя держать голову высоко. В этом месте мне нельзя было показать слабость.

Зал, куда меня привели, был просторным, но каким-то удушающим. На стенах висели портреты предков, и лица этих людей смотрели на меня, как судьи. Свечи горели тускло, отбрасывая дрожащие тени, и в этом полумраке дыхание казалось громким. Я оглядывалась, чувствуя, как что-то невидимое, тёмное, словно наблюдает за мной, изучает меня.

Затем я услышала шаги. Медленные, уверенные, почти беззвучные, они приближались, пока не появился Рафаэль. Он вышел из тени, его фигура высвечивалась мягким светом. Он был высоким, с широкими плечами, мощной мускулистей фигурой и каждый его шаг был точно выверен. Черные блестящие волосы, слегка взъерошенные, подчёркивали красивые, строгие черты лица. Глаза, ярко-зелёные, сверкали, как у дикого зверя. Эти глаза были очень пронзительными, контрастируя с его смуглой кожей и темными волосами. Резко очерченный подбородок с ямочкой, густые широкие брови и чувственный яркий рот, очень сочный, капризно изогнутый... Я бы сказала манящий. Но больше всего ошеломляли его глаза. И эти глаза смотрели на меня с такой уверенностью, что от этого становилось не по себе.

— Ты, должно быть, Аделайн, — сказал он с едва заметной, настороженной усмешкой. — Добро пожаловать в моё поместье.

Я кивнула, стараясь скрыть напряжение, которое чувствовала внутри. Я пришла сюда не для того, чтобы дать себя сломать, но что-то в его присутствии уже подчиняло меня воле Рафаэля. Он был так уверен в себе, что мои попытки сопротивления казались чем-то смешным, наивным.

— Я приехала обсудить договор, — начала я, приподнимая подбородок, чтобы он не заметил дрожи губ. — Хочу услышать ваши условия от вас, а не от адвоката.

Он улыбнулся. Это была едва заметная улыбка, холодная, ироничная. Он словно забавлялся моей дерзостью, моими попытками держаться гордо.

— Конечно, — он провёл рукой, указывая на стол, который был уже накрыт к ужину. — Но всё по порядку. Сначала ужин.

Я колебалась, но потом всё же прошла к столу. Я понимала, что отступать некуда, и если я хотела получить ответы, мне придётся играть по его правилам. Рафаэль сел напротив, и его взгляд не отрывался от меня, наблюдая, как я опускаюсь на стул.

Еда выглядела аппетитно, но я не могла заставить себя есть. Я чувствовала себя, как жертва, которую вот-вот преподнесут хищнику. Рафаэль поднял бокал вина, его губы изогнулись в лёгкой улыбке, как будто он читал мысли. С таким успехом меня могли бы уложить на этот стол и отдать ему.

— Ты напугана, — произнёс он. — Это нормальная реак-

ция. Ты здесь не случайно. Я уверен, ты уже слышала, что твои родители заключили договор.

Я сжала вилку в руке до боли, пытаюсь сохранить невозмутимость.

— Договор, который обязывает меня выйти замуж за человека, которого я никогда не видела? — голос звучал остро, почти вызывающе. — Вы серьёзно думаете, что я соглашусь?

Рафаэль отпил из бокала и, не отрывая глаз от меня, сказал:

— Я не думаю, Аделайн. Я знаю. Потому что у тебя нет выбора. — От его спокойствия у меня похолодели пальцы.

Он говорил это так, словно речь шла о простом соглашении, неважном контракте. Моя ярость вспыхнула, и я подняла глаза, чтобы встретиться с его взглядом.

— Почему я? Почему ты не нашёл кого-то другого, кто с радостью согласился бы выйти за тебя? — голос дрожал, но я заставила себя задать этот вопрос.

Рафаэль откинулся на спинку стула, его глаза не отрывались от меня, изучая меня, как если бы я была головоломкой, которую он собирался разгадать.

— Потому что мне нужна ты, — сказал он, и его слова прозвучали как приговор. — Твоя семья, твоё имя, твой долг. Это не просто договор, Аделайн. Это расплата. Твои родители очень много задолжали моему клану.

Я чувствовала, как земля уходит из-под ног. Что-то в его словах, в его голосе заставляло меня замереть. Он не пред-

лагал — он утверждал. Он не спрашивал — он приказывал. Он привык к власти, и это отражалось в каждом его движении, в каждом слове.

— Я не выйду за тебя, — прошипела я, чувствуя, как голос дрожит. — И ничего не заставит меня это сделать. Хочешь вернуть долг — я верну его по частям.

Рафаэль поставил бокал и поднялся. Обойдя стол, он остановился у моего кресла и наклонился так близко, что я почувствовала его дыхание. Зелень его глаз потемнела; улыбка исчезла.

— Рассрочки не будет, — тихо ответил он, сдерживая раздражение. — Я могу ждать деньги. Ты не можешь бесконечно ждать решения. Либо брак и списание долга, либо взыскание. Завтра адвокат принесёт бумаги.

Я стиснула вилку. Его спокойствие пугало сильнее угроз: он заранее приготовил оба исхода и был уверен, какой я выберу.

Я хотела закричать, возразить, но его слова обрушились на меня, как ледяная вода, парализуя. Он не оставлял мне выбора. Я увидела в его глазах такую уверенность, такую безоговорочную решимость, что мне стало страшно.

— Зачем тебе жена, которую вынудили выйти за тебя? — сказала я, голос был почти шёпотом. — Ты пожалеешь об этом браке.

Его улыбка стала шире, но в ней не было тепла. Он вернулся к своему месту и откинулся на спинку стула, наблюдая

за мной, как за увлекательным спектаклем.

— Мне не нужна твоя любовь, Аделайн, — ответил он, и его взгляд стал откровенным, почти оскорбительным. — Не рассчитывай, что этот брак останется только на бумаге.

Глава 4

Рафаэль

Позднее той же ночью я стоял перед стаей, неподвижный, словно черная скала посреди мрака. Тяжелый взгляд скользил по лицам волков, один за другим. В глазах не было ни малейшего проблеска сострадания, ни даже намек на то, что передо мной — моя собственная кровь, моя стая. Я смотрел на них безразлично, оценивающе, будто решал, кто из них сегодня умрёт, а кто останется жить. Мрак, окутавший лес, только подчёркивал холодную жестокость, застывшую в моих чертах. Я не был просто альфой. Я был чем-то большим — древней, первозданной силой, которая лишь приняла человеческую форму.

Тишина была абсолютной. Волки-оборотни стояли, припавшие и напряжённые, как натянутая струна, ожидая моих слов. В темноте светились только их глаза — затаённые, настороженные, полные уважения и страха. Они знали: тот, кто встретит взгляд, почувствует, как страх вгрызается в сердце, холодный и безжалостный, как сталь. Я был воплощением силы, той самой, которая рождалась из кровавых ночных схваток, из тысячелетней борьбы за выживание.

Я чуть приподнял голову, и лёгкая усмешка коснулась губ — горькая, ироничная, лишённая всякой радости. Я знал, что моя сила вызывает в них трепет, что даже самые свире-

пые члены стаи не рискнут бросить мне вызов. Они могли рычать, скалить зубы, но передо мной — перед альфой — им оставалось только склонить головы. Я был для них чем-то вроде ожившей легенды, той древней угрозы, которую нельзя победить, только подчиниться ей или пасть.

— Мы не охотимся на людей, — произнес я, и голос мой прозвучал как раскат грома, тяжёлый и неумолимый, словно сама природа решила навсегда запечатлеть мои слова в сердцах каждого, кто их слышал. — Беззащитные горожане — не добыча. Защищаться от нападения мы вправе, убивать ради охоты — нет. Это наш закон. Нарушивший его — перестаёт быть частью стаи.

Я не спрашивал. Не предупреждал. Это было утверждение — истина.

Я шагнул вперёд, и каждый волк передо мной, будто по команде, опустил голову. Я чувствовал этот трепет, эту безмолвную покорность, что исходила от моих подчинённых, и в душе мелькнуло еле заметное удовлетворение. Они понимали: перед ними не просто лидер, а тот, кто не побоится оборвать их жизни одним коротким движением руки. Мой закон был непреложен, как сама природа. В глазах каждое из этих существ было не более чем частью общего механизма — жизнью, которой я управлял и распоряжался, словно бог древнего культа.

— После смерти девушек на окраине у города будут вопросы, — продолжил я, с отвращением глядя на тех, кто от-

вёл глаза. — Я найду убийцу. Если он из стаи, моё имя его не прикроет. Люди — не наша добыча. Кто жаждет их крови, сначала ответит передо мной.

Последние слова были сказаны с такой хладнокровной твёрдостью, что воздух словно бы замер. Я знал, что для некоторых из моих подопечных этот запрет не был чем-то естественным. Их инстинкты, их животная природа жаждали кровавой жатвы, которой они лишены по моей воле. Но я держал их на коротком поводке, и они знали, что любая попытка ослушаться обернётся для них смертельной ошибкой. Я не колебался ни на мгновение: я прерву их жизнь так же хладнокровно, как перегрызаю горло лани.

Я снова осмотрел собравшихся передо мной волков. Лица — одни испуганные, другие равнодушные, кое-где мелькала искра неприязни. Я знал, что многие из них меня ненавидят. И что ж? Пусть ненавидят. Пусть их страх и злость становятся их топливом. Я был здесь не для того, чтобы быть любимым. Мне не нужны были их симпатии и тем более их жалкие, хрупкие привязанности. Я был их альфой, их жёстким, безжалостным вожаком, который требовал подчинения.

Я был холоден и бесстрастен, как сама смерть.

Я замер, чувствуя, как тишина поглощает каждую мелодию леса, каждый вздох ночного ветра. Я знал, что для них мои слова звучат как сталь, со скрежетом врезающаяся в их инстинкты, в их жажду крови и свирепую природу. Мой запрет противоречил самой сути многих из них, но они пони-

мали: моя воля была мощнее их природы. Мой закон — выше их желаний.

Я чувствовал напряжение в толпе, каждый взгляд, обращённый на меня, был полон глухого, подавленного страха и — в то же время — восхищения. Они знали: перед ними не просто альфа. Перед ними воплощение силы, воли и древней безжалостности, которую не сломит ни мольба, ни бунт. Я был создан не для того, чтобы слушать, а для того, чтобы приказывать и безраздельно править.

Молодой волк по имени Лоренцо, стоящий у края стаи, вдруг едва заметно пошевелился, не выдержав давления тяжёлого взгляда. Это движение было почти незаметно, но я уловил его. Во мне вспыхнуло холодное презрение, почти неразличимое, но жгучее. Я подошёл к Лоренцо, медленно, будто смакуя каждый шаг, и вся стая, как по команде, напряглась, чувствуя, что грядёт неизбежное.

— Ты что-то хотел сказать, Лоренцо? — голос был обманчиво спокойным, почти ленивым, но в моих интонациях проскальзывала угроза, скрытая под налётом холода.

Лоренцо замер, глядя на меня, не в силах произнести ни слова. В его взгляде читалась смесь страха и стыда, но где-то в глубине плескался огонь, тот самый, что порой загорается в тех, кто не способен покорно склонить голову. Но я уже не видел перед собой живого существа, волка, члена стаи. В этот миг я видел перед собой только зерно сомнения — маленькую тень бунта, которую нужно было вырвать с корнем,

прежде чем она окрепнет и заразит других.

Мгновение — и рука, ловкая и сильная, взлетела, обхватив шею Лоренцо. Один рывок — и молодой волк оказался на коленях, задыхающийся, беспомощный перед силой своего альфы. Вокруг воцарилась напряжённая тишина, в которой слышно было только тяжёлое дыхание и хрип молодой жертвы в моих руках.

— Запомни, Лоренцо, — произнёс я, наклоняясь к его лицу так близко, что наши взгляды встретились, — я терплю ошибки. Иногда. Я даже прощаю слабость. Но сомнение? Никогда.

Я отпустил его, резко, словно сбросил с себя ненужный груз, и Лоренцо, едва удержавшись на ногах, отошёл назад, стараясь не поднимать взгляда. Теперь в его глазах было только смирение — и ледяной страх. Я вернул его в то состояние, в котором он должен был находиться: полного подчинения и покорности.

Я оглянулся, давая остальным понять, что это была не просто демонстрация. Это был урок, которым я выжигал в их памяти простую, но вечную истину: сомневаться во мне — значит навлекать на себя мой гнев. А мой гнев был силой, с которой они не могли справиться. Они не знали, насколько жесток я могу быть, но инстинктивно чувствовали, что каждый, кто осмелится бросить мне вызов, будет раздавлен, как хрупкая ветка под тяжестью волчьей лапы.

Вокруг царила тишина, только где-то вдалеке раздался

крик ночной птицы, пронзительный и тягучий, словно предупреждение. Волки молчали, затаив дыхание. Я стоял перед ними, взгляд, по-прежнему ледяной и безразличный, скользил по лицам подчинённых, как охотничий нож, выбирающий себе следующую жертву.

— Вы — моя стая, — сказал я тихо, но каждое моё слово падало, как раскалённые угли, обжигая уши каждого волка. — Ваша жизнь — моя собственность. Ваши желания — моя воля. Мы выживаем не благодаря силе каждого из вас. Мы выживаем благодаря силе стаи. И эта сила исходит от меня. Поэтому запомните: любая мысль, противоречащая моим приказам, — это не просто ошибка. Это предательство. И я клянусь, предателей среди нас не будет.

Мои слова обрушились на их головы. В них не было пафоса, не было ярости. Только холодный, убийственный расчёт и железная уверенность. Волки, замерев, слушали, понимая, что этот зверь — их господин, их бог и их проклятие.

Я выпрямился, фигура — высокая, сильная, вся наполненная тем могучим спокойствием, которое бывает у хищника, знающего свою власть. В глазах моих теперь не было ни следа недовольства — лишь удовлетворение от того, что моё слово вновь было выжжено в сознании каждого. Я знал, что моя власть, моя воля — единственная преграда между этими волками и первобытным хаосом. Я удерживал их на краю бездны, направляя, подавляя, контролируя. И они понимали, что любой другой альфа сломался бы под тяжестью

этой ответственности.

Я был другим. Я был для них не просто лидером, но самой смертью, медленной, хладнокровной и неумолимой, которая пришла в их мир, чтобы удержать их в узде.

Глава 5

Рафаэль

Я стоял на опушке, погружённый в темноту, и холодный воздух леса плыл вокруг меня, проникая под кожу, заполняя лёгкие. Ветер принёс с собой запах хвои, сырой земли, ночного неба. Этот запах вонзался в сознание, вытеснял всё остальное, растапливал последние остатки человеческого — всё то, что было костью и плотью, поддающимся контролю. Лес звал меня, как зовёт кровожадная пучина своих утопленников.

Я медленно сбросил с себя одежду, чувствуя, как каждая мышца под кожей напрягается, как будто сопротивляясь неизбежному. Сначала рубашка — ткань с шорохом упала на землю, как отжившая своё старая кожа. За ней последовала остальная одежда. Оголённое тело вздрогнуло от прикосновения ночного воздуха, но я едва заметил это. Я смотрел на свои руки, белеющие в сумерках, как чужие. Ещё мгновение — и они будут бесполезны, забудут, как держать меч, как сжиматься в кулак. Останутся лишь лапы с острыми когтями.

Это чувство всегда приходило как тяжесть в груди, как затихающая тишина перед грозой. Я в последний раз вдохнул холодный воздух, полный запахов леса и ночи, и отпустил... контроль. Отпустил ту жалкую нить, что удерживала меня в

форме человека. И оно началось.

Всё происходило быстро, болезненно, но в то же время удивительно знакомо. Хруст костей раздался в тишине, резкий, почти гулкий — звук ломаемых палок под сапогом, но это ломалось собственное тело, подчиняясь зову древней магии, всплывшей откуда-то из глубин моего существа. Кости хрустели и меняли форму, растягивались и изгибались под непреодолимым давлением, как будто в них одновременно вкручивали сотни невидимых винтов. Жгучая, пульсирующая боль прокатилась по телу волнами, захватывая каждую мышцу, каждое сухожилие. Но я не издал ни звука, не проронил ни стога — это был мой ритуал, моё посвящение, моё проклятие.

Рёбра разошлись, грудная клетка расширилась, словно в ней должно было поместиться что-то большее, чем человеческие лёгкие. Пальцы искривились, вытянулись в длинные, изогнутые когти. Я почувствовал, как моя челюсть ломается и удлиняется, как зубы обостряются, становясь кинжалами, идеально приспособленными для разрывания плоти. Кожа покрылась жёсткой, густой шерстью, чёрной, как сама ночь, которая окутывала меня, как тяжёлая пелена.

Это было и болью, и освобождением одновременно. Я чувствовал, как тело больше не принадлежит человеческим законам, как оно поддаётся дикой, древней силе, отзываясь на зов инстинкта, который шептал мне о крови, о ярости, о том, что есть лишь один закон — закон зверя.

И вот я стоял на четырёх лапах, тяжёлый, могучий, огромный. Я был волком, и весь мир предстал передо мной в новом свете. Зрение стало острее, ночное небо засияло оттенками тёмно-синего и серебристого. Воздух был полон запахов — запахов земли, деревьев, животных, даже далёких ручьёв, что пробивались сквозь корни и камни. Я знал теперь каждую тропу, каждую щель в скалах, каждую тень — всё стало моими владениями, моими охотничьими угодьями.

Человек во мне исчез, растворился. Остался только волк. Мир вокруг изменился. Обрёл новую яркость, новые детали, новые смыслы. Каждый звук стал чётче, каждый запах приобрёл остроту, от которой кружилась голова. Я слышал, как в кустах шелеститмышь, как хрустят под когтями корни деревьев, как далеко-далеко, на другой стороне леса, кто-то — может быть, олень, а может, просто глупая птица — бежит от чего-то невидимого. Для меня теперь не существовало преград, не существовало границ. Лес стал моим владением, моим миром, моей охотой.

Сердце билось ровно и уверенно, каждое движение было выверенным и точным, как удар хищника, который знает, что может взять всё, что пожелает. Я рванулся вперёд, беззвучно, плавно, как тень, что скользит по земле, не нарушая покоя ночи. Я не просто бежал — я сливался с лесом, становился моей частью, душой. Плавное движение лап по земле, легчайший шелест ветра, который скользил между деревьев, — всё это было единым потоком, единым дыханием. Я не

охотился — я просто был.

Охота для меня была чем-то большим, чем простой инстинкт выживания. Это было выражение моей сущности, моей силы, моей воли. В эти моменты я чувствовал себя хозяином мира, полновластным правителем, которому не нужны законы, кроме одного — закона крови. Никто и ничто не могло преградить мне путь, остановить или укротить меня. Я был альфой, диким и неукротимым, и в этом мире, полном серых теней и бледных силуэтов, не было никого, кто мог бы сравниться со мной по мощи и жажде власти.

Адреналин струился по венам, как огонь, заполнял всё моё существо, подталкивал, разжигал, требовал. Я ощущал этот первобытный, древний зов в каждом нерве, в каждом вздохе. Слишком долго мне приходилось сдерживаться, слишком долго я носил на себе маску человека. Теперь маска сорвана, сброшена, и перед лесом, перед ночью предстал истинный хищник, король, для которого не существует преград, и мир, наполненный запахами и звуками, принадлежал только мне.

Я знал, что всё живое в радиусе моих чувств ощущает меня — каждый зверёк, каждый хищник. Они боялись, прятались, прижимались к земле, не смея подать голоса, не смея нарушить мою безмолвную поступь. Они знали, что я пришёл за ними, и неважно, на кого падёт взгляд. Я был альфой, и в эту ночь лес был моей игрушкой.

Я, не сбавляя скорости, рванул вглубь леса, туда, где звуки

становились приглушённое, а запахи — насыщеннее. Я был королём в этом царстве ночи и мрака, единственным, кому принадлежали и власть, и свобода.

Глава 6

Аделайн

Наутро адвокат привёз соглашение о погашении долгов после заключения брака. Я перечитала его дважды и подписала, понимая, какой ценой сохраняет семейное дело. Дату свадьбы назначили на конец следующей недели. Когда адвокат уехал, слуга передал: Рафаэль ждёт меня в кабинете. Я даже не подошла к зеркалу. Последнее, чего хотелось после этой подписи, — стараться понравиться будущему мужу. От воспоминания о его словах за ужином лицо горело.

Сердце стучало всё громче, пока я шла по длинному, почти бесконечному коридору, мимо каменных стен, освещённых лишь мягким светом редких свечей. С каждым шагом пол казался всё более скрипучим, воздух всё более густым. Я пыталась успокоить своё дыхание, но мысли не давали мне покоя.

«Ты ничего ему не должна. Ты здесь ради своей семьи, ради того, чтобы защитить свое имя и их память, сберечь свое наследие, а не потому, что он может управлять тобой». Повторяя это, я почувствовала, как гнев внутри медленно сменяется решимостью. Я не собиралась уступать. Я не позволю ему думать, что это так просто.

Дверь в кабинет Рафаэля была массивной, сделанной из тяжёлого тёмного дерева. Я толкнула её, и, стоило мне сде-

лать первый шаг внутрь, как меня окружила давящая атмосфера комнаты. Всё в кабинете было организовано безупречно: большие книжные шкафы, громоздкий стол из тёмного дерева, кожаные кресла, окна, плотно закрытые тяжелыми тёмными шторами. Комната казалась лишённой света и тепла, будто отражала самого Рафаэля — властного и непреклонного.

Рафаэль сидел за столом, расслабленно откинувшись в кресле. Его поза была спокойной, даже ленивой, но напряжённость, исходящая от него, было невозможно не почувствовать. Он смотрел на меня, не моргая, и его ярко-зелёные глаза блестели хищно и опасно. Казалось, что он видел меня насквозь, читал мысли ещё до того, как я успевала их озвучить. Было в нем что-то звериное, что-то нечеловеческое... как и его дикая красота. От этого взгляда по спине пробежал холод, но я не позволила себе ни малейшего признака слабости.

— Аделайн, — наконец произнёс он, и его голос, глубокий, с лёгким, почти незаметным оттенком сарказма, разбил тишину. — Я рад, что ты нашла время для нашей беседы.

Я прищурилась, стараясь сохранять твёрдость, и сделала шаг вперёд.

— Не думаю, что мне был предложен выбор, — ответила я, стараясь придать голосу твёрдость, но мои слова прозвучали резковато. Я сразу поняла, что Рафаэль заметил моё колебание — едва уловимый изгиб его губ это подтвердил.

— Возможно, — проговорил он, медленно выпрямляясь, — но выбор у тебя был, когда ты подписала договор. Теперь у тебя есть только обязательства.

Он говорил спокойно, но в каждом слове была угроза. В его голосе не было ни просьбы, ни малейшей попытки сгладить резкость. Он будто бы бросал мне вызов, как волк, показывающий клыки.

Я почувствовала, как гнев поднимается внутри меня. Я подошла ближе и остановилась, глядя на него с вызовом.

— Вы считаете, что имеете право решать, что мне делать? — проговорила я, и голос, хотя и дрожал, звучал твёрдо. — Этот брак — результат старых договорённостей, и я здесь не потому, что согласна с ними, а потому, что это единственный способ спасти наследие и все дело моей семьи. Но не думайте, что вы можете контролировать меня.

Рафаэль вскинул брови, и в его глазах мелькнуло нечто похожее на забаву. Он поднялся со стула и медленно подошёл ко мне. Когда он остановился напротив, нас разделяло всего несколько шагов, и я осознала, насколько он высок, насколько силен. Я невольно напряглась, пытаясь не показать, насколько близость этого человека выбивала меня из равновесия.

— Ты считаешь, что я хочу контролировать тебя? — сказал он, и его голос стал мягче, но в этой мягкости была скрытая угроза. — Я установил условия, и они были приняты. Если ты думаешь, что можешь нарушить их — ты глубоко за-

блуждаешься. Всё здесь принадлежит мне, — он слегка наклонился вперёд, не отрывая взгляда от глаз, — в том числе и ты.

Я почувствовала, как ярость и страх смешались в груди, вызывая прилив горячей волны к лицу. Я выпрямила спину, не отводя взгляда.

— Если вы рассчитываете, что я просто подчинюсь... то вы явно переоцениваете себя, — произнесла я медленно. — Я не привыкла, чтобы мной командовали.

Рафаэль ухмыльнулся, его глаза блеснули, и эта улыбка была наполнена почти животной, хищной уверенностью.

— Забавно, — сказал он тихо, и его голос был подобен шелесту листьев в преддверии шторма. — Я не привык, чтобы кто-то ставил под сомнение мои решения. Не привык, чтобы кто-то сопротивлялся. Но, возможно, в этом и будет своя прелесть научить тебя подчиняться.

Я хотела бросить ему что-то в ответ, но слова застряли у меня в горле. Я чувствовала себя, как мышь, загнанная в угол, и его взгляд, цепкий и пронизательный, словно протыкал меня насквозь.

— Думаешь я позволю себя учить покорности? — сказала я, наконец, после долгого молчания. — Думаешь, мы в средневековье... — я махнула рукой, не находя слов, чтобы выразить, как сильно меня отталкивает вся эта ситуация. — Если бы не моя семья, я бы никогда не согласилась.

Рафаэль смотрел на меня, и в его взгляде не было ни капли

сожаления или понимания.

— Твои желания здесь не имеют значения, — ответил он, и его слова были словно удар. — Ты подписала договор. Ты согласилась. Теперь ты здесь, и у тебя есть лишь два пути: смириться или столкнуться с последствиями.

Я не могла поверить своим ушам. Его холодность, эта уверенность, что всё будет так, как он скажет, вызывали во мне протест. Я шагнула к нему, сжав руки в кулаки, и вскинула подбородок.

— Я не стану вашей игрушкой, — бросила я, глядя на него в упор. — Мое дело выйти за вас замуж. Ничего другого вы от меня не получите!

Рафаэль, казалось, удивился моей дерзости, но затем его лицо приобрело более жёсткое выражение, и он сделал шаг вперёд, сокращая дистанцию. Дыхание сбилось, когда он оказался слишком близко, его тёмный взгляд словно обволакивал меня.

— Ты должна кое-что запомнить, выучить наизусть, Аделайн, — прошептал он, его голос был едва слышен, но в нём сквозила неприкрытая угроза. — Здесь ты играешь по моим правилам. Как бы сильно ты ни сопротивлялась, ты будешь моей. Это было решено задолго до твоего появления.

Глава 7

Аделайн

Рафаэль стоял напротив меня, холодный и неподвижный, словно вырезанный из камня.

— Теперь о порядке в доме, — произнёс он с нетерпением, пододвигая ко мне папку. — Прочти до конца, прежде чем спорить.

Он протянул мне папку с документами, и я почувствовала, как ледяной укол страха пронзил сердце. Пальцы Рафаэля, крепко державшие папку, словно подчеркивали мою беспомощность, мою полную зависимость от него. Я осторожно взяла папку, чувствуя вес её содержимого. Этот свод законов — не просто правила, это моё будущее, написанное чужими руками, не оставляющее места для сомнений и вольности.

Он наблюдал за мной с почти безжалостной прямоотой, и меня охватила дрожь, когда я развернула первый лист. Прямо на первой странице был написан заголовок: «Законы семьи Монтальво для супруги главы рода». Каждое слово словно отбрасывало тень, утверждая свою власть, своё требование подчинения.

Я медленно пролиستала страницы, и с каждым пунктом отчаяние разливалось по телу холодными волнами. Первый пункт: «Жена обязана отражать достоинство семьи Монтальво в каждом жесте, каждом слове, каждом своём поступке.»

Меня охватило ощущение клетки, из которой нет выхода. Здесь не было места для моих собственных желаний, для моей личной свободы.

Дальше: «Внешний вид супруги должен соответствовать строгим традициям семьи. В любой момент времени она обязана выглядеть так, чтобы олицетворять честь и величие рода.» Это было как удар — моя личность, моя сущность теперь просто фасад, который должен соответствовать требованиям. То есть и трусы мне тоже будут выбирать? Куда я попала? Что это за тирания?

Я перевернула ещё страницу. «Передвижения супруги внутри поместья ограничены. До свадьбы она не может покидать его территорию без ведома главы семьи.» Слова словно зазвучали в голове, эхом отдаваясь болью: «Не может покидать...» Я вдруг почувствовала, что это не просто ограничения, это ловушка, из которой не сбежать. Моё пространство, моя свобода — всё теперь контролировалось этим домом, его законами и, конечно, Рафаэлем.

Пальцы задрожали, но я быстро скрыла это, крепче сжав страницы. Я подняла глаза на Рафаэля, с трудом удерживая в них твёрдый взгляд. Мне хотелось кричать, разорвать эти страницы, бросить их к его ногам. Но он не отводил взгляда, его глаза были холодны и пронизательны, как у хищника, который знает, что его жертва поймана, что у меня нет шансов вырваться.

— Это — всего лишь начало, — сказал он, его голос был

тихим, но твёрдым. — Семья Монтальво веками соблюдала эти правила. Они не подлежат изменению. А теперь ты можешь идти к себе в комнату. С расписанием дня тебя ознакомит донья Исабель.

Я сжала зубы, чувствуя, как слова застревают в горле, словно камни. Я не хотела подчиняться, не хотела становиться частью этого мрачного сценария, написанного задолго до меня. Но каждый взгляд Рафаэля говорил о том, что от меня не ждут согласия. Здесь, в этом доме, моё будущее уже решено. Я развернулась и пошла прочь. Несколько раз заблудилась, прежде чем попала к себе в комнату.

А когда оказалась внутри, открыла папку и бегло пробежалась глазами по правилам. Каждый пункт был пронумерован и выделен жирным шрифтом.

Протокол общения

В присутствии главы семьи или старших членов рода супруга обязана придерживаться определённых формулировок. Ей нельзя спорить, прерывать, повышать голос или выражать несогласие публично, чтобы не подрывать авторитет главы. Все возражения могут обсуждаться только наедине и с его разрешения.

Ритуалы и участие в церемониях

Супруга обязана посещать все традиционные церемонии семьи, не пропуская ни одного важного события. Отказ или пропуск расцениваются как неуважение к предкам и корням семьи, что считается серьёзным проступком. В таких случа-

ях её могут ограничить в привилегиях или подвергнуть особым дисциплинарным мерам.

Строгий дресс-код

Супруга обязана следовать утверждённому стилю одежды, который выбирает глава семьи или уполномоченная личность (например, домоправительница). Её наряды, украшения, цветовые сочетания и даже причёски должны соответствовать принятым стандартам. Это правило действует и для неофициальных случаев — даже в своей комнате она обязана поддерживать презентабельный вид.

Ограничение социальных связей

Ей запрещено вступать в контакт с посторонними без разрешения. Все визиты, телефонные звонки и переписка контролируются, и разрешение на них выдаёт глава семьи. Её круг общения ограничен только проверенными и одобренными людьми, и она обязана докладывать о каждом контакте.

Запрет на личные счета и финансы

Супруга не имеет права на личные финансовые активы. Все её расходы контролируются семьёй, и только глава решает, какие средства и на что она может тратить. Она обязана отчитываться за каждую трату и не может вести никакую экономическую деятельность.

Запрет на использование фамилии в личных целях

Ей строго запрещено использовать фамилию Монтальво для получения привилегий или покровительства вне семьи.

Она обязана быть представителем рода, но её статус не должен использоваться для личной выгоды или для продвижения личных интересов.

Поддержание безупречной репутации

Репутация — одна из важнейших составляющих. Супруге запрещается участвовать в любых скандалах, интригах или действиях, которые могут нанести ущерб имиджу семьи. Даже её мимика и жестикуляция должны быть сдержанными и благопристойными. Она не должна привлекать к себе внимание ни одним необдуманным поступком.

Чёткие временные рамки

Все её действия, перемещения и даже время отдыха подчиняются строго определённого расписанию. На личные прогулки, отдых и прочие занятия отводится определённое время, и все нарушения этого графика караются.

Запрет на воспоминания о прошлом мужа

Супруге запрещено обсуждать или задавать вопросы о прошлых отношениях, браках или семьях мужа. Темы из жизни главы семьи, которые были до её вступления в дом, считаются запретными и подлежат уважению и сохранению в тайне. Любое упоминание считается недопустимым вторжением в личное пространство главы и влечёт за собой последствия.

Обязательство иметь наследников

Одна из основных обязанностей супруги — дать семье наследника. Она должна принять и поддерживать традиции ро-

да и в этом аспекте, и её здоровье, время и жизнь подчинены этой цели.

Последний пункт напрягал больше всего остального.

Но это не брак — это тюрьма, это пожизненное заключение. Кем они себя возомнили эти Монтальво!

Я едва успела отступить в сторону, как высокая фигура появилась в дверях моей комнаты без стука. Женщина средних лет с идеально уложенными седыми волосами и строго поджатыми губами. Лицо её было суровым и холодным, словно выбитым из мрамора. Донья Исабель. Легенда этого дома, живая тень Рафаэля, которой, казалось, достаточно одного взгляда, чтобы пригвоздить к месту любого, кто переступил порог поместья.

— Сеньорита Аделайн, — её голос прозвучал низко и сухо, отчего у меня по спине побежали мурашки. Донья Исабель осмотрела меня с ног до головы, словно проверяла, достойна ли я стоять на этом ковре, дышать воздухом этой комнаты. В каждом её движении ощущалась острая холодная враждебность, прикрытая тонким слоем профессиональной вежливости. В её взгляде было что-то, что разом указывало: ты здесь чужая.

Я стояла, будто пригвождённая к полу этим пронзительным, осуждающим взглядом. Я знала, что могу развернуться и уйти, но ноги не двигались, а слова, которые вертелись у меня на языке, казались слишком неуместными, слишком бесполезными под гнетом этого молчаливого присутствия.

— Вам следует ознакомиться с правилами, установленными для новых членов семьи, — начала донья Исабель, её интонация была ровной, но в голосе слышался ледяной оттенок. Она продолжала говорить, не сводя с меня внимательного, почти оценивающего взгляда. — Как будущей супруге сеньора Монтальво, вам предстоит освоить традиции и правила дома, чтобы избежать неловких инцидентов.

Её слова были произнесены чётко, с едва заметным нажимом на «неловких инцидентов», отчего у меня возникло чувство, что любая ошибка, любой неверный шаг будут немедленно замечены и жестоко наказаны.

— Дом... требует определённого порядка, — продолжала донья Исабель, делая паузу после каждого слова, словно вколачивая их прямо в сознание. — Мы гордимся традициями и не привыкли к изменениям. Вы должны быть осторожны в своих действиях и поступках, чтобы не нарушить вековые устои.

В глазах доньи Исабель мелькнула зловещая искра, и я поняла, что за этой женщиной стоит что-то большее, чем просто долг и преданность. Донья Исабель была как сторож, готовая порвать того, кто осмелится преступить черту. Это был не просто приказ, не просто указание. Это было предупреждение, пронзительное и острое, как кинжал, и я почувствовала, как меня окутывает холод.

— Сеньора, — попыталась ответить я, но голос задрожал под суровым взглядом этой женщины. — Я постараюсь сде-

лать всё, что потребуется.

Но донья Исабель не сдвинулась с места, и её выражение лица стало ещё более ледяным.

— Постараетесь? — переспросила она, и её тон был сдержанно-насмешливым. — В этом доме стараний недостаточно, сеньорита Аделайн. Здесь нужно полное подчинение и уважение к традициям семьи. И я позабочусь о том, чтобы вы это запомнили.

Я ощутила, как к горлу подступил комок. Слова, сказанные доньей Исабель, были не просто холодными — они были как приговор.

Глава 8

Аделайн

В полумраке поместья, погружённого в зловещую тишину, донья Исабель вела меня по коридорам, которые, казалось, сами по себе сопротивлялись моему присутствию. Свет настенных светильников в форме свечей, отбрасывающий тусклые отблески на стены, делал каждый угол и каждую арку ещё более тёмными и неприступными. Комнаты сменялись одна за другой — и каждая новая казалась холоднее и мрачнее предыдущей, как будто дом сам выстраивал вокруг меня лабиринт, из которого было трудно выбраться.

Слуги, которые встречались на нашем пути, молча отходили в сторону, не поднимая глаз. Их лица были закрыты холодными, бесстрастными масками, в которых не было даже намёка на теплоту или любопытство. Они как тени сливались со стенами, избегая смотреть на меня, как будто моё присутствие оскорбляло их. Было что-то почти механическое в их движениях, словно они были не людьми, а частями самого дома, настроенными служить, но не приветствовать.

— Это комната отдыха, — тихо произнесла донья Исабель, указывая рукой на дверь, за которой скрывалась небольшая гостиная с камином. Но её голос был таким равнодушным, что слово «отдых» здесь казалось издевательством. — Возможно, вам пригодится.

Я чувствовала, как напряжение поднималось во мне волной. Это место было чужим, и отдохнуть я здесь точно не смогу. Донья Исабель, не сбавляя шага, вела меня дальше, её спина прямая как доска, движения размеренные и плавные, как у хищника. Она напоминала мне змею.

Внезапно донья Исабель остановилась у одной из массивных дверей, деревянной, с резными узорами, и слегка прищурила глаза.

— В эту комнату вам заходить не следует, — спокойно, но с каким-то странным нажимом сказала она, её голос звучал как тихое предупреждение. — Избегайте ее. Я покажу вам места, где не запрещено находиться.

Слова были произнесены так холодно, что я ощутила, как в груди нарастает лёгкая паника. Эта комната, казалось, была сердцем дома, чем-то запретным и тайным. Я поймала себя на мысли, что хочу открыть дверь, узнать, что скрывается за дверью, но донья Исабель, уловив взгляд, едва заметно улыбнулась, как будто знала, о чём думаю я.

— Любопытство — это черта, которая не принесёт вам здесь ничего хорошего, сеньорита Аделаин, — тихо добавила Исабель, словно чувствуя моё внутреннее желание осмотреть запретное место.

Донья Исабель резко развернулась и жестом пригласила меня следовать за собой дальше по тёмному коридору, который, казалось, не имел конца.

— А вот и библиотека, — сухо произнесла донья Исабель,

останавливаясь у дверей, которые были массивными и вырезанными с изысканностью, достойной прошлого столетия. Резные узоры казались таинственными, символы, вытесанные в древесине, придавали им необычайную строгость, будто эта дверь — преграда, защищающая что-то не только ценное, но и опасное.

Я толкнула дверь, и та открылась с тихим, зловещим скрипом. Я шагнула внутрь и сразу ощутила, как холод пробежал по коже. Библиотека была огромной — до самого потолка тянулись полки, забитые старыми томами, и тусклый свет ламп едва разгонял тьму, скрывающую верхние ряды. Запах старой бумаги и тлеющих дров наполнял воздух, создавая ощущение забытого времени и нераскрытых секретов.

— Это место, — тихо сказала донья Исабель, переходя в тень и вглядываясь в книги, словно в воспоминания, — несёт в себе всю историю семьи Монтальво. Каждая страница здесь — это свидетельство силы, власти и... тяжёлых жертв.

Я провела рукой по рядам книг, ощущая под пальцами кожаные переплёты и старые гравюры. Мне показалось, что книги словно излучали тихую, но зловещую энергетику. Одна из них, с тёмно-красной обложкой, привлекла моё внимание.

— Вижу, вы заметили нашу семейную реликвию, — сухо отметила донья Исабель, проследив за взглядом. — Мудрость прошлых поколений, как вы могли догадаться, не все-

гда бывает полезна. На вашем месте я бы воздержалась от чтения подобных книг. Они... требуют большего, чем вы готовы отдать.

Я посмотрела на Исабель, не скрывая недоумения. Но донья Исабель лишь усмехнулась, отвела взгляд и продолжила с подчеркнутой холодностью:

— Но разве не любопытство всегда губит таких, как вы?
— Исабель едва заметно улыбнулась, наслаждаясь моей растерянностью.

В густом, давящем полумраке комнаты, где свет тусклых свечей едва касался мраморных стен, я почувствовала, как вся атмосфера будто сжалась вокруг меня. Эта готически мрачная, почти церемониальная комната, увешанная старинными портретами и высокими тяжёлыми шторами, скрывающими окна, как будто сама по себе наблюдала за мной. Тишина была осязаемой, и в ней чувствовалось что-то тревожное, как будто я заранее предостерегала от чужого присутствия. С каждым моим вдохом библиотека будто набирала силы, собираясь окутать меня своей аурой зловещей таинственности.

Донья Исабель стояла в углу, как тень, как часть этих стен, поглощённая мраком. Лицо её оставалось безмятежным, почти безжизненным, но в глазах был ледяной, почти уничтожающий огонек — взгляд, в котором не было ни сострадания, ни тепла. Она смотрела на меня, как на незваную гостью, почти как на угрозу. Чуть подняв подбородок, она слег-

ка прищурилась, будто пытаюсь прочесть каждую мысль.

— Сеньорита Аделаин, — её голос раздался так мягко, что от него на коже проступили мурашки. Это было обращение, полное сарказма, подчёркнутое тяжёлыми нотками легкого презрения.

Она сделала шаг, и звук её движения, еле заметное шуршание платья, отдался в тишине зловещим отзвуком. Казалось, сам воздух в комнате сгустился, делая каждый вдох трудным, давящим. Шаги Исабель были настолько неторопливыми и спокойными, что в них сквозила затаенная угроза. Слово этот шаг мог в любой момент обернуться нападением — холодным, расчетливым, безжалостным.

Я попыталась собраться, но не могла отвести взгляд от доньи Исабель. Эта женщина была как ледяной монолит, неподвижная, твердая, незримая хозяйка дома, в который меня вынудили войти. Она всматривалась в меня с такой пронзительной пристальностью, что мне казалось: вот-вот, и я услышу как змея начала шипеть.

Комната будто бы ожила, наполняясь холодной, почти зловещей аурой, когда донья Исабель остановилась передо мной. Мрачные тени падали на её лицо, заостряя черты, а глаза смотрели холодно, без малейшего признака тепла или доброжелательности.

— Полагаете, что справитесь? — её голос прозвучал тихо, почти шелестяще, словно ледяной ветер проник в помещение. — Наивно.

Я почувствовала, как слова доньи Исабель, наполненные скрытым осуждением, пробудили во мне страх и сомнение. Комната, казалось, сужалась вокруг меня, обрамляя каждое движение этой женщины, которая одним лишь своим присутствием придавала простым словам зловещий оттенок.

Я старалась не показывать неуверенности и смотрела прямо в глаза донье Исабель, пытаюсь уловить хоть что-то, что могло бы прояснить смысл её слов. Но вместо этого меня встретил только холод, пронизывающий, как зимний шторм.

— Что вы хотите сказать? — выдавила я, стараясь держать голос ровным.

На лице доньи Исабель появилась едва заметная кривая усмешка, уголки её губ дрогнули, словно она наслаждалась этой игрой.

— Дорогая, вы не первая женщина, ступившая в этот дом как невеста Рафаэля, — слова доньи Исабель прозвучали как удар. — Впрочем, едва ли будете последней.

Я моргнула, но не отступила. Сердце забилось сильнее, глухо стуча в груди, разгоняя тревогу. «Не первая?» В сознании словно пронесли фрагменты воспоминаний о том, что Рафаэль никогда не рассказывал о своём прошлом. О прошлом этого дома. Впрочем он вообще ничего мне не рассказывал.

— Вы о чём? — голос едва сдерживал волнение.

Донья Исабель приподняла подбородок, словно давая себе время, чтобы насладиться моей реакцией.

— Да, была другая. Юная, полная жизни, впрочем, как и вы, — она подчеркнула «как и вы» с особым холодом. — Она тоже думала, что справится. Но не смогла.

Слова доньи Исабель, сказанные почти шёпотом, обрушились на меня с удушающей силой. Я ощутила, как дыхание замедляется, а сердце сжимается, впуская ледяное осознание того, что эта женщина знает что-то важное. Что-то, что Рафаэль предпочёл бы скрыть от меня. Я попыталась найти объяснение в строгом, как каменная маска, лице доньи Исабель, но та лишь холодно смотрела на меня, будто наслаждаясь зрелищем.

— Что с ней стало? — спросила я, изо всех сил стараясь сохранить контроль над голосом.

Донья Исабель чуть прищурила глаза, будто оценивая мою решимость.

— Что с ней стало? — повторила она, как будто для самой себя. — Этот дом не так прост, как вам хотелось бы думать, дитя. Он требует... жертв. Одни сдаются, другие исчезают, — произнесла она с насмешливым оттенком, будто бы сама судьба первой жены Рафаэля была для неё чем-то незначительным.

Я почувствовала, как холод пробежал по спине. Взгляд метнулся к дверям, но донья Исабель сделала почти незаметный шаг вперёд, перекрывая моё отступление.

— Здесь нет случайностей, и ничего не забывается, — тихо сказала донья Исабель, её глаза сверкнули мрачным

огоньком, как будто она видела все мои страхи и смаковала каждый из них.

— Исчезают? — едва слышно прошептала я, чувствуя, как ледяной ком подступает к горлу.

Донья Исабель склонила голову набок, изучая меня так, будто перед ней была не девушка, а глупый ребенок, требующий ответа.

— Уходят, не оставив после себя даже портрета, — ответила Исабель с ленивой жестокостью. — А вещи остаются. Иногда это всё, что здесь хранят о женщине.

Я почувствовала, как волна дрожи прошла по телу. Было в словах доньи Исабель что-то чудовищное, что-то, что нельзя было списать на простые угрозы. Что-то гораздо более зловещее и опасное, как если бы дом сам выбирал, кого принять, а кого отвергнуть.

— Вы правда верите, что у вас достаточно силы воли, чтобы не повторить её судьбу? — донья Исабель бросила на меня тяжёлый, оценивающий взгляд. — Мой вам совет, дитя: не пытайтесь доказать... то, что никому здесь не нужно. Этот дом не терпит гордости, он не прощает ошибок, и...

Она сделала паузу, позволяя своим словам впитаться в сознание, прорасти во мне тревожными побегами.

— Он не знает жалости, — добавила донья Исабель почти шёпотом, но каждое её слово отозвалось внутри меня тяжёлым ударом.

Где-то в глубине этого дома раздался скрип, едва различимый.

мый, как будто древний механизм пришел в движение. Тишина снова заполнила комнату, но теперь это была уже не просто тишина. Это было как предупреждение, как знак, что с этой минуты моя судьба — моё будущее — полностью переплетены с этим домом и тайнами, которые он хранит.

Глава 9

Лусия

Мы с Аделайн Кастильо подружились ещё в колледже, хотя начинали с неприязни. Теперь уже трудно было вспомнить, из-за чего цеплялись друг к другу: за годы дружбы старые обиды стали смешными. Я — Лусия де ла Роса. Мои родители работали инженерами; мы жили скромнее Кастильо, но рядом с Аделайн я никогда не чувствовала себя бедной родственницей. Упрямства нам обоим хватало. Работая журналисткой, я привыкла докапываться до правды и не собиралась отступить, когда помощь понадобилась подруге.

Я была невысокой и хрупкой на вид. Короткие тёмные волосы обрамляли лицо, подчёркивая высокие скулы; карие глаза, как говорила Аделайн, выдавали мысли раньше, чем я открывала рот. В одежде я предпочитала удобство и лёгкую небрежность. Меня куда больше занимали люди и их тайны, чем впечатление, которое производила моя блузка. Это часто помогало в работе: собеседник успевал недооценить меня прежде, чем понимал, о чём я собираюсь спросить.

Через три дня я получила от Аделайн короткое сообщение, в котором та извинялась за то, что не может выехать в город. Сердце сжалось. Я знала свою подругу — независимую, гордую, всегда готовую взять ситуацию в свои руки. Но что-то в этих словах звучало странно, почти тревожно. Аде-

лайн пригласила меня в поместье Монтальво к обеду. В сообщении уточнила, что получила разрешение Исабель, и хотя я согласилась, меня не покидало ощущение, что это приглашение таит в себе больше, чем кажется. Почему не выехала... что могло помешать? И смс какая-то сдержанная, холодная.

Когда я прибыла к дому, меня охватило странное чувство, будто бы я приближалась к самой сердцевине тьмы. Это величественное поместье, окружённое древними дубами, словно поглощало свет, отбрасывая длинные тени на узкую дорогу, которая вела к массивным воротам. Величественные стены и чёрная, почти угрожающая крыша создавали впечатление, будто дом живёт своей собственной жизнью, храня мрачные секреты семьи Монтальво.

«Ну ты и вляпалась, подруга, по самые уши... Хорошенький подарочек тебе оставили Эстер и Рикардо... да упокой Господь их грешные души».

Вверху взметнулась стая ворон, они громко закаркали, закружившись над шпилями крыши.

Я, всегда решительная и смелая, почувствовала внезапный холодок. Я сделала глубокий вдох, поправила сумку на плече и подняла голову, готовая встретить любые странности этого проклятого места. «Для Аделаин,» — сказала я себе, и твёрдым шагом прошла через ворота.

Слуги встретили меня неохотно, с неприкрытым равнодушием, которое вызвало у меня раздражение. На пороге стоял

мажордом, сухой как осенний лист, с бесцветными глазами и лицом, на котором не было ни капли дружелюбия. Он даже не предложил мне войти, только коротко кивнул, указывая вглубь дома.

— Сеньорита Лусия, — проговорил он с нотками превосходства, осмотрев меня с ног до головы, даже не утруждая себя тем, чтобы проводить меня взглядом. Было очевидно, что визит подруги будущей хозяйки поместья не представлял для него ни малейшего интереса.

Сама я была девушкой не из робкого десятка, но тут, внутри тёмных коридоров дома, мне стало не по себе. Каждая деталь этого места, казалось, дышала мрачностью: массивные портреты, тяжёлые шторы, которые пропускали скудный свет, и ледяное, почти зловещее ощущение чужого присутствия. Как будто сам дом наблюдал за мной, словно бы был разумным существом, затаившимся в темноте.

Внезапно на моём пути возникла высокая, строгая женщина с выцветшими глазами, пронизывающими взглядом насквозь. На её лице застыла вечная маска надменности и едва заметной враждебности, которая как холодный ветер обдала меня.

— Вы... Лусия, — произнесла она, не скрывая презрения в голосе, словно имя было ей неприятно. — Подруга Аделайн. Какая... неожиданность. А я донья Исабель, я домоправительница поместья Монтальво.

Её тон был полон яда, и я сразу поняла, что эта женщи-

на не желает видеть меня здесь. Донья Исабель медленно, не отводя взгляда, осмотрела меня с ног до головы, как будто оценивала, стоит ли впускать меня в этот священный мрачный храм семьи Монтальво.

Я почувствовала, как щеки вспыхнули от гнева. Я уже встречала таких, как Исабель: они оценивали людей по достатку, считали меня ниже по статусу и недостойной пересекать порог таких шикарных и богатых домов. Но я была готова на всё ради подруги и, несмотря на уколы гордости, решила не показывать свою слабость.

— Я здесь по приглашению Аделаин, — твёрдо произнесла я, бросив Исабель такой взгляд, который дал бы понять, что меня не запугать.

— Конечно, — холодно ответила донья Исабель, и на её лице мелькнула странная, зловещая улыбка. — Но помните, сеньорита де ла Роса, не стоит задерживаться. В этом доме не любят гостей, забывающих о времени.

— Время отъезда я согласую с Аделаин, — ответила я, с усилием сдерживая раздражение. — Проводите меня к ней.

— До вечера, сеньорита, — отрезала Исабель, поджав губы. — Это разрешение действует только до вечера.

Я почувствовала, как сердце сжалось. Слова Исабель прозвучали как скрытая угроза, и в её голосе явно ощущался скрытый намёк. Но я не позволила себе проявить слабость. Я, стараясь не выдать нервозности, прошла мимо, чувствуя на себе её ледяной взгляд.

Когда я наконец добралась до комнаты Аделаин, подруга сидела на кровати, бледная и потерянная. Увидев меня, она вскочила и обняла так крепко, словно боялась, что я исчезну. Я прижала её к себе. Плечи Аделаин дрожали; под тонкой тканью я чувствовала напряжение, которое не отпускало её даже теперь.

— Я так рада, что ты пришла, — прошептала Аделаин, и в её голосе слышались нотки боли и тревоги, которых я раньше никогда не замечала.

Я отстранилась, заглянула в глаза подруги и увидела в них не просто усталость, но что-то более тёмное, почти испуганное. Я тихо спросила:

— Аделаин... что здесь происходит? — Я не смогла скрыть тревогу, глядя на подругу.

Но Аделаин лишь покачала головой, оглянувшись, будто бы проверяя, что никто не подслушивает, и взяла меня за руку.

— Поговорим в саду, — прошептала она, тревожно взглянув на дверь. — Там хотя бы видно, кто подходит. Здесь я даже стенам не доверяю.

В этот момент я окончательно убедилась, что моя подруга попала в ужасный плен, из которого она одна не выберется.

Аделаин выглядела как тень самой себя — бледное лицо, тёмные круги под глазами, взгляд усталый и тревожный, словно она не спала многие ночи. Раньше я видела её жизнерадостной и полной уверенности, но теперь в её облике

было что-то сломанное. Тонкие плечи сутулились, глаза — когда-то такие яркие — сейчас напоминали потухшие угли. Казалось, что сама душа этого старого дома засасывала её в свои мрачные тени.

После обеда мы наконец смогли выйти в сад. Вечер опускался на поместье Монтальво медленно, словно тёмный, тяжёлый занавес. Небо затянулось свинцовыми тучами, и редкий, умирающий свет заходящего солнца пробивался сквозь ветви старых, скрученных деревьев сада, придавая всему вокруг мрачный, зловещий оттенок. Мы с Аделайн сидели на скамье под старым дубом, и ветер шевелил ветви, заставляя их трещать, словно кости. Аделайн выбрала это место, подальше от дома, подальше от любопытных глаз и ушей, — я понимала, что только здесь, в полумраке, она сможет сказать мне правду.

По всему саду, словно стражи тьмы, стояли древние статуи — фигуры, покрытые мхом и трещинами, с потускневшими лицами и пустыми глазами, устремлёнными куда-то в бесконечность. Казалось, что они наблюдают за нами, храня в своих каменных сердцах многовековые секреты семьи Монтальво. Статуи олицетворяли ангелов и демонов, но от всех исходило странное, пугающее ощущение. Как будто каждый из них знал что-то, что оставалось скрытым от простых смертных.

Тишину нарушал лишь ворон, который бродил неподалёку. Его чёрные глаза — маленькие и холодные, как бисер —

внимательно следили за нами, словно эта птица тоже знала что-то важное. Ворон сделал несколько шагов ближе, наклонил голову набок и издал хриплый, предостерегающий крик, будто предупреждая, что разговор, который мы собирались начать, приведёт только к беде.

Я, сжав руки на коленях, бросила взгляд на подругу. Сердце тревожно стучало — Аделаин выглядела совсем плохо, с серым оттенком на лице и взглядом, в котором горел страх. Казалось, даже окружение давило на меня — сад, деревья, статуи, вечерняя тьма, как будто весь этот готический ужас дома накладывал отпечаток на душу.

— Аделаин... — тихо произнесла я, протягивая руки. Голос дрожал от волнения, я боялась нарушить хрупкое равновесие, которое удерживало мою подругу от полного отчаяния.

— Нет, — ответила Аделаин, опустив голову, и снова обняла меня. Она прижималась ко мне, словно искала спасения от чего-то, о чём пока не могла сказать. Я чувствовала её дрожь, слышала, как трудно даётся ей каждый вдох. Что-то в этом доме подавляло её; привычная гордость не исчезла, но сейчас держалась на одном упрямстве.

— Мне кажется, я попала в ловушку, — прошептала Аделаин, её голос был тихим, почти невесомым. — Свадьба... Она должна была быть радостью, новой страницей... но всё кажется таким... неправильным. Да и какая может быть в этом радость?

Аделаин отстранилась и посмотрела мне в глаза. От боли и растерянности в её взгляде у меня засосало под ложечкой.

— Он... Рафаэль... — Аделаин замялась, её голос дрогнул. — Я почти не знаю его. Он такой... загадочный, холодный. Он говорит, что этот брак неизбежен, что я должна подчиниться... но я не понимаю, зачем. Это как приговор. Я не хочу этой свадьбы, но у меня нет выбора.

Глава 10

Лусия

Я почувствовала, как собственные руки сжались в кулаки. Я не могла поверить, что с моей подругой могли так поступить, что её могли заставить смириться, принудить к браку, словно вещь. Взглянув в её измученные глаза, я поняла, что сейчас не время просто сочувствовать — нужно действовать, нужно узнать правду.

— Послушай, Аделайн... — я взяла её за руку, стараясь передать ей частичку своей решимости. — Ты ведь знаешь, что я не могу спокойно смотреть на то, что тебя принуждают. Но я приехала рассказать тебе кое-что важное... О твоих родителях.

Глаза Аделайн чуть расширились.

— Что ты имеешь в виду? — спросила она, её голос был полон неуверенности и страха узнать правду.

Я нервно оглянулась, проверяя, что никто не подслушивает, и понизила голос:

— Я запросила материалы об аварии как журналистка и поговорила со свидетелями, — я понизила голос, нервно оглянувшись на дом. — Мне показали не всё. В ранней сводке время вызова отмечено утром, а в итоговом сообщении полиция утверждает, что авария произошла ночью. Простая опечатка возможна, но объяснять расхождение мне отказа-

лись.

Аделаин замерла. Её лицо побледнело ещё сильнее, пальцы сжали руку до боли.

— Есть и другие вопросы, — продолжила я, с тревогой сжимая ремень сумки. — В описи не хватает вещей, которые родители взяли в поездку. На фотографиях проломлено ограждение моста, но по снимкам нельзя понять, что заставило машину свернуть. Запись с камеры мне не дали: сослались на повреждённый архив. По отдельности это ничего не доказывает. Вместе — повод проверить дело заново.

— Но... Это же... случайность? — голос Аделаин сорвался, и в её глазах появилась мольба, желание поверить, что это просто трагическое совпадение, а не нечто более зловещее.

— Я не могу назвать это убийством без доказательств, — твёрдо ответила я, хотя смотреть на подругу было тяжело. — Но и считать расследование законченным не могу. Я сохраню копии и выясню, кто оформлял эти документы.

Мои слова повисли между нами. Аделаин опустила взгляд на землю и долго молчала; я видела, как она сдерживает дрожь, но не могла забрать сказанное назад.

— Убили? — прошептала она, почти не веря в сказанное. — Но зачем?

Я наклонилась к подруге, голос стал мягче, но от этого ещё более настойчивым.

— Я пока не знаю. Но я подозреваю, что это связано с семьёй Монтальво. И с твоей свадьбой. Возможно, они хотят

использовать тебя... как часть чего-то более тёмного что ли. Аделаин, тебя как будто тянут в ловушку. — Я понизила голос, боясь напугать её догадкой сильнее, чем фактами.

Аделаин замерла. Она сглотнула и прижала ладонь к горлу, словно ей не хватало воздуха. Мне хотелось ошибиться, но я не имела права прятать от неё найденное.

— Что же мне теперь делать? — прошептала она, словно девочка, потерявшаяся в ночном лесу, окружённая хищниками.

Я, не раздумывая, обняла её, почувствовав, как моя подруга дрожит от страха и растерянности.

— Мы найдем правду, — тихо ответила я, сжимая Аделаин в объятиях. — Мы вместе найдём способ выбраться из этой тьмы. Я обещаю.

Но внутри себя я знала — чтобы найти правду, нам придётся спуститься глубже в самые мрачные тайны этой семьи.

— Лусия... — прошептала Аделаин, словно боялась, что кто-то подслушивает нас даже здесь, на улице, где нас укрывал холод и густой мрак. — Я не знаю, кому ещё доверить это. Но... кажется, у Рафаэля была... другая жена.

Я удивлённо приподняла бровь и сжала подругу за руку, чувствуя, как та дрожит.

— Другая жена? — переспросила я, зябко передёрнув плечами. — Но почему ты так думаешь?

Аделаин отвела взгляд, её глаза скользнули по тёмному силуэту статуй, которые будто тянулись к нам своими мра-

морными руками. На лице Аделаин отразился внутренний ужас, смешанный с растерянностью.

— Донья Исабель... — начала она, и её голос сорвался, — она намекала. Очень... зловещим тоном. Она сказала, что я не первая женщина, которая вошла в этот дом как невеста Рафаэля. И что мне лучше «не повторять её ошибок». Но когда я пыталась спросить что-то конкретное, она только смотрела на меня, как будто издевалась, и ничего не говорила.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.